

БИБЛИОТЕКА

ВОСПОМИНАНИЙ

Имя Елены Александровны Благининой мне стало известно задолго до личного знакомства: еще в юности я читала ее превосходные переводы — прозаические и стихотворные, дарила ее прекрасные книжки детям, а потом и внукам друзей. Старые друзья ее — Мария Сергеевна Петровых, Лидия Феликсовна Кон, Юлия Георгиевна Добленская произносили это имя с любовью и уважением, рассказывали о редком гостеприимстве Елены Александровны и ее сестры Антонины Александровны.

С 1976 года дом Благининых вошел в мою жизнь. Бывая на даче у Благининых, я часто становилась свидетельницей того, как прямо на глазах у присутствующих создавались рифмованные и нерифмованные каламбуры, слова-перевертывши, коротенькие сценки и многое другое.

Не исключено, что, как каждый собеседник-виртуоз, Елена Александровна могла повторяться, и ее «устное» творчество станет предметом воспоминаний многих общавшихся с нею людей. Что ж с того? Если мне удастся хоть сколько-нибудь пополнить устную «благиниану», я буду считать свою задачу выполненной.

Для начала — несколько слов о знакомстве с Еленой Александровной.

В июле 1976 года я приехала в голицынский Дом творчества, и как-то в воскресенье две мои пожилые приятельницы (к которым я была привязана тем сильнее, что они годились мне в матери), собрались на традиционное чаепитие к Благининым. Это были Л. Ф. Кон, более полувек проработавшая в Детгизе, где и подружилась с Еленой Александровной на всю жизнь, и Евгения Ефимовна Городенная, покойный муж которой, еврейский писатель Ной Григорьевич Лурье, был некогда одним из любимых собеседников Елены Александровны.

— Вы пойдете с нами, — сказала мне Евгения Ефимовна.

— Но это невозможно, — запротестовала крайне щепетильная Лидия Феликсовна. — Как мы, не предупредив Лену, явимся в дом с неизвестным ей человеком?

— В мою голову! — решительно объявила Евгения Ефимовна. — Ручаюсь, что за этого человека Лена к нам в претензии не будет.

...Едва нам открыли, мы услышали веселую застольную разноголосицу и сразу же погрузились в праздничную атмосферу этого дома. Красота его и неповторимый уют достигались на удивление простыми средствами: у выложенной кафелем печи стоял большой глиняный горшок со срезанными цветами. Несколько веток в низкой вазочке украшали выдвигавший вид маленький холодильник. Слева от входа стоял старинный рабочий шкаф с отломанными кое-где резными завитушками, за ним — ступенчатая полка с цветочными горшками. Над покрытым белой скатертью столом, где все было приготовлено для чаепития, висел оловянный абаяжур, на который был брошен накрахмаленный желтый платок, а из-под него свисал норичневый деревянный корешок, похожий на птичку в полете. Под окном притулилось скромное ложе, застланное стареньким полосатым покрывалом. Довершала убранство комнаты прикрепленная к стене разрозванная деревянная ложка. Вот и все. А тебя сразу охватывало чувство покоя и защищенности, какое испытываешь, вернувшись после долгого отсутствия к родному очагу.

Впрочем, все эти подробности подмечались потом. Ибо самое сильное впечатление производили хозяйки дома. Было им в ту пору сильно за семьдесят. Обе они, чрезвычайно скромно одетые, с одинаковыми черными бархотками в поредевших седых волосах, излучали физически осязаемый поток благородства и душевной красоты.

Елена Александровна, сидевшая во главе стола, очень прямая, с неизмен-

ным мундштуком в зубах, поражала величием осязкой. То не было ложное и смешное величие надутых щек — нет, величие истинное, обеспеченное золотым запасом таланта, ума, чувства собственного достоинства. В необычном сочетании с блистательным остроумием, доброжелательностью и простотой в обращении, оно производило впечатление прямо-таки ошеломляющее.

Сколько счастливых часов провела я в этом доме. Незатейливое по тем временам угощение — ароматный чай, свежее варенье и только что поджаренные гренки на самом деле были вкуснее всяких изысканных яств. Изза свойств местной воды чай иногда бывал подернут пленкой, и сестры весело улыбались моим словам: у Благининых даже пленка вкусная. Но так оно и было.

«О дом мой, пристанище чуда...» — писала Елена Александровна в одном из своих стихотворений. Свидетельствую, да, чуда. Переступив его порог, каждый вдруг странным образом оказывался среди действующих лиц «Синей птицы». Все вокруг хозяек — и абаяжур, и шкаф, и цветы, и чай, и гренки — словом, все-все, становилось одушевленным, равновеликим собственной сути, как в метерлинковской сказке.

Кошки, прыгавшие с хозяйских колен, тоже были самовиты и исполнены достоинства. Честно говоря, кошки я никогда не любила и даже побаивалась, чем сначала вызывала у Елены Александровны удивление и

«тетя Гётя». Свои отрывочные записи я обычно в тот же вечер переносила в записную книжку. Из записных книжек тех лет (1976—1986) и взято все то, о чем речь пойдет ниже.

Одной из любимых форм игры Елены Александровны со словом было поразительное ее умение обыгрывать всем известные цитаты — она либо приводила их в совершенно неожиданном контексте, либо усекала, либо переиначивала.

Вот пример такой неожиданной «подачи» одной из знаменитых пушкинских строк. На вопрос Юрия Ивановича Чуковского, как она прожила годы эвакуации, Елена Александровна задорно ответила: «...С печальным шумом обнажалась...», чем привела в восторг старого остролиста.

В другой пушкинской строке — «души прекрасные порывы!» — существительное «душа» Елена Александровна озорно перевела в повелительное наклонение от глагола «душить» и получила неожиданно-шутливый призыв:

«Усекалась цитата из Некрасова и звучала у Елены Александровны многозначительно-иронично:

«Не торговал я лирой, но бывало...»

Или опять же пушкинское: «...Из топн блат вознесся пышно, горделиво».

Остроумно и неожиданно звучали и дерзко переиначенные строки:

«Набьем холодильник жратвой
да откупа!

Да здравствует лузо,
да скроется разум!»

Прочитав по просьбе присутствующих свои стихи, сказала:
«Вечер был, сверкали звезды...»
И добавила: «В моем лице!»

Когда ее стихотворение кто-то по ошибке приписал другому поэту, последовала отповедь:

«Мое! — сказал Олегни грязно...»
О себе же насмешливо говорила:
«Ум с задом не в ладу...»

Уже тяжело больная, на вопрос о самочувствии Елена Александровна отвечала:

«И застываю ввечеру
Густой прозрачно смолою...»
Или:
«Все течет, все из меня...»

А горюя о том, что уже не в силах принимать у себя старых друзей (десять лет посиделки регулярно проводились и в Москве, только там они назывались «бабульнички» или «старушатнички»), Елена Александровна сокрушалась:

«Мой верный товарищ, махал
крылом,
Духовную пищу клюет
под окном...»

Неистощима была Елена Александровна на каламбуры, зачастую рифмованные.

Например, человеку впервые пришедшему в дом, говорила:
«Берегите ножки,
Тут у нас порошок».

А упомынув о чьих-то слабых стихах, добавляла:

«Принесу я вам стишочки,
Надорвете вы кишочки».

Схватив насморк, тут же сочиняла такую «самозаплату»:
«Любила вино и любила елей,
А смерть приняла от обильных соплей...»

Ставя на подоконник баночку с веткой, полной нежно-лиловых цветов, приговаривала:

«На окне у нас багульник,
А в дому у нас бабульник...»
Угощая гостей:

«Грустящие хлопцы
Ели хрустящие хлебцы...»

О заболевшей подружке:
«С осенки пишичка свалилась,
Старуля разом развалилась».

Приглашая гостей выпить по рюмочке:
«Вода не утоляет жажды.
Я, помню, пил ее однажды...»
О подхалимах-«одписцах»:

«Надо Державным быть,
чтобы ода
Не довела до распада рапсода!»
О быстротечности времени:
«Смотрю, стариками становятся
дети.
Ох, стало быть, долго живем мы
на свете...»

Остроты бывали не всегда рифмованные и не всегда веселые.

Как-то речь зашла о том, что на могиле Есенина, поэзию которого Елена Александровна высоко ценила, было совершенно немало самоубийств. Со свойственной ей, как и всем по-настоящему умным людям самоиронией, Елена Александровна задумчиво проговорила:

— Это что же на моей-то могиле
делаться будет — подумать страшно...
Елена Александровна была знатоком русских пословиц, прибауток, присловий.

Немало таких присловий сочиняла сама, а кое-какие переиначивала, достигая этим большого комического эффекта.

Вот некоторые из «авторских» присловий и пословиц.

Кошелек купить не на что, денег
давать некуда.

Даром даже чирей не вскоят.
Хороша штучка — боль в ручке.

Пить-есть можно, а работать —
нипочем.

И так раскидаваю, и этак, а вых-
одит никак.

Не думай о деньгах больше, чем
они того стоят.

Когда спишь с собакой, набираешь
ся блох (это — о знакомом подкаблуч-
нике. — С. М.).

Квартира нужна писателю, пока он
за столом, а не на столе!
(С этими словами Елена Александровна бесстрашно обратилась к высокопоставленному лицу в Союзе писателей, в прошлом — генералу КГБ. И генерал дрогнул: после долгих мытарств квартира наконец-то была получена.)

А у нас в семье дураков нет, я —
самая глупая.

Одичать можно и в домашних усло-
виях.

Стриптиз — «Голые полки».
Игра — «Шаром покати».
Бабушонце — (давка в магазине. — С. М.).

Приходящая дойная корова.
А вот как Елена Александровна переиначивала пословицы и ходовые выражения:

У Господа Бога всего много — как
сказал Карл Маркс.
Шиллера в мешке не утаишь.
Лес рубят — пенки летят.

То ли Тютчев, то ли Фет,
То ли классик, то ли нет!

Звоните мне и в службу и в дружбу.
При стуке в дверь:

Бедлам, отворись!
При известии о неприятности:
Боже, меня храни.

К поговорке «Старость не радость»
добавляла: «а и младость не корысть,
козь плохая жисть».

Про двух доносчиц:
Одного поля ягодыци...

Особенно остроумны ее придумки
были, естественно, в контексте бесе-
ды, но полагаю, что даже приведен-
ные вне контекста они будут оценены
любителями острого слова:

Я не дорогая, я дешевая.
«Долбанем!» — романс на слова
Теофила Готье.

Жри сам, с ри-сом.
Как, водку? С утра? С удоволь-
ствием!

Выпить? Ну нет, я буйна во хмелю.
Явление Кузькиной матери народу.
Олимпийская деревня имени Потем-
кина.

Обращаясь к гостям:
— Ну, все свои собрались, книж-
ники и фарисеи...

Газета «Блин» издается Блинко-
мом.

Природный болванс
Впизаели (фамилия)
Куропис (рукопись)
Вонзигель! (вместо «Войдите!»)
Хлопочет мордой (об

рисе)
Вышел в лидеры
Геша (гений)
Кой-штоки
Преувеличенный нос (бюст, зад)

В последние годы о Елене Алек-
сандровне очень заботились друзья и
подруги (среди них особо надо отме-
тить Ирину Сергеевну Орловскую,
Леонида Демьяновича Новоселова и
племянника Елены Александровны
Александра Дмитриевича Благинина),
доставлявшие на дачу продукты, по-
могавшие сестрам с переездом из го-
рода в Голицыно и обратно. Отсюда
пошли слова:

«Главодругснаб»
притяники и притаскухи
кучички и куццы.

Единственные ругательства, кото-
рые Елена Александровна употребляла,
были:

сквернавка
суболяжка

Ими обозначалась крайняя степень
нравственного падения человека.
Записала я за Еленой Александров-
ной некоторые озорные песенки, в ее
исполнении звучавшие удмирительно.

Вот разудалая абсурдистская «Цы-
ганочка», куда Елена Александровна
умудрилась вставить иноязычные сло-
ва и даже латинскую поговорку:

Катценяммер, чары.
Виски, тары-бары,
Ин вино веритас,
Подставляйте таз!

Речитативом исполнялась пародия
на литературные нравы:

Купи — дом,
Купи — дом,
Продай крылья,
Купи — дом...

Еще одна песенка — на мотив «Ах,
попалась, птичка, стой».

ДЕТСКАЯ ЗАГАДКА
Вечером спала с Петром,
На рассвете — с Петей.
Сколько хахалей у ней,
Угадайте, дети!

В чести у сестер были и частушки.
Они знали их множество, иногда им-
провизировали.

— У Благини ноги сини, — заводит
Антонина Александровна.
— Нос-то ой лиловый у Благини!
— тут же подхватывает Елена
Александровна.

Порой сестры разыгрывали коро-
тенские сценки — обе были очень ар-
тистичны. Передать весь комизм этих

импровизаций трудно, но тексты неко-
торых из них приведу.

Разговаривают две молодки:
— Какая твоя жизнь... Мужик
у тебя вахлак вахлаком.

— А у тебя и вовсе никакого
нету!

— Да лучше никакого, чем твой
тухтырь. У меня вон герой был, со
звездочкой.

— Ишь какое дело, звезда-то, не-
бось, липовая!
Не чурались сестры и соленого
слова.

Разговор двух домработниц:
— Как живешь, старуля?
— Хорошо. Хозяйка в шелку хо-
дит, в бархате. Буфет не запрает.

— Ну ты скажи! А в каких же она
должностях?
— Да в б...дях.

Удивительно тонко вслушивалась
Елена Александровна в народную речь.
И накопила коллекцию своих придум-
ок подлинными оборотами, каких ни
один юморист не выдумает. Вот при-
меры таких подслушанных ею выра-
жений:

Ты с ней не дружи — она, у, на-
ивная!
А ну его: со спины выдать — эгонист!
Что с ее взять, с бедняги — она
в уму-разуме (маразм. — С. М.).

А вот выдержка из написанного на
нее доноса, которую Елена Алексан-
дровна, с ослепительной ей незапомят-
ностью, любила повторять:

ПОСИДЕЛКИ

«К ей каждый день ходит свежий
мужчина и говорит не по-нашему».

В своем устном творчестве Елена
Александровна любила повторять:
не чаяла.

— У меня с кошкой литературно-
английские отношения: я ей — Чо-
сер¹, она мне — Мур².

— Кошки — существа перспектив-
ные: у них все впереди, окромя
хвоста.

Кошкам давались невероятные
клички — скажем, Мокрухо-Мокрай
или Буздря, Буздрик (от «будь
здрав»), НЭП-ка.

А вот мадригал любимице хозяйки
Мурке:

Мурка-обнимурка,
Атласная шкурка,
Ляпки-царапки,
Позы-грациозы,
А ум, как у Спинозы.

В прихожей московской квартиры
Благининых над керамической вазоч-
кой-нашко висел листок с грозным
предупреждением:

А ты отсека не уйдешь,
Пока сюда не покладешь,
В скудельную посуду эту
Хотя б единую монету
На пропитание животов
Собаг бездомных и котов!

Человек светлого мироощущения и
великой стойкости, Елена Алексан-
дровна продолжала работать почти до
самого ухода из жизни, свято следуя
любимой своей поговорке: «К смерти
готовься, а хлебушек сей». Недаром
слова эти она сделала эпиграфом к за-
метательному циклу стихотворений
«Memento mori» («Помни о смерти»)...

Теперь Елена Александровна поко-
ится вместе с Егором Николаевичем
на зеленом и тихом голицынском
кладбище; неподалеку от них — моги-
ла Антонины Александровны. А я все
никак не могу поверить, что никогда
не увижу ее. И с болью перечитываю
отпечатанный на машинке предсмерт-
ный цикл с драгоценной надписью:
«Дорогой Мифе — моему моему «Эк-
керманчику» с любовью Е. А. — тетя
Гётя».

Суламифь МИТИНА.

¹ Чосер, Джеффри (1340 (?) — 1400) —
английский поэт.

² Мур, Томас (1779—1852) — англи-
ский поэт.

БЛАГИНИНСКИЕ

смех. Но здесь мне вдруг открылись
их грациозность и изящество, мало
того, я стала понимать характер каж-
дой из них. Нет, что ни говори, Мет-
терлинк да и только.

В доме, как писала в том же сти-
хотворении Елена Александровна,
явственно ощущался «высокий
накал». Здесь не было места мелочной
житейской болтовне. «У Благининых
посиделки — всегда почтальки», —
говорила Елена Александровна. И в
самом деле: здесь постоянно читались
стихи, особенно часто — Бориса Пас-
тернака, любимого поэта хозяйки. По
просьбе гостей их «угощали» и Цве-
таевой, и Ахматовой, и Оболдуевым,
и стихами самой хозяйки.

Нередко к концу «почиталок», пе-
ред уходом гостей, Елена Александровна
каждому гадала, раскрывая
наугад томик Пастернака.

Когда между нами установилось
полное доверие, Елена Александровна
рассказала мне невеселую историю
этого дома.

После освобождения муж ее поэт
Егор (Георгий) Николаевич Оболду-
ев не имел права жить в Москве, и
Елена Александровна решила купить
часть дома в Подмоскowie, где Егор
Николаевич мог бы поселиться,
укрывшись от «всевидающего глаза» и
от «всезлещащих ушей».

Хозяин голицынской дачи, какой-
то высокий чин в ведомстве Берии,
договорился с Еленой Александров-
ной о продаже ей части дома в рас-
срочку. Когда назначенная сумма —
довольно изрядная — была уже почти
вся выплачена, был арестован Берия.
Вслед за этим полетел с работы и хо-
зяин дачи. Он пришел к Елене Алек-
сандровне и признался ей, что наме-
рен был, получив с нее деньги полно-
стью, посадить обоих супругов. Во
всем с ним случившемся он, по-види-
мому, усматривал божью кару и, за-
хлебываясь слезами, просил у Елены
Александровны прощения.

Через год с небольшим после этого
Егора Николаевича не стало. С тех
пор ежегодно 27 августа на его по-
минки собиралось много народу.

Вернемся, однако, к благининским
посиделкам.

С первого же раза у меня возникло
неодолимое желание записывать за
Еленой Александровной. Сперва Еле-
на Александровна поменялась:
«Глядите, глядите, опять пишет».

А потом привыкла и стала говорить,
что я ее «Эккерман», а она сама —

Зеркало и шарик. — 1993. — 21-28 окт (и 4)